

СОДЕРЖАНИЕ

ХОД С ДАМЫ ПИК	5
ГЕРОЕВ НЕ УБИВАЮТ	257
ОВЕЧЬЯ ШКУРА.....	485

* * *

Господи, как мне хотелось спать! Как же мне хотелось спать! Я думала, что стоит мне положить голову на подушку, как я провалюсь в сон, да не тут-то было. И подушка была мягкая, и одеяло теплое, но эти уроды устроились прямо у меня над головой и бубнили, и бубнили, да еще и звенели бутылками, и демонстрировали любовь к ближнему, противными голосами спрашивая: «Машка, пиво будешь? „Балтика“, „тройка“, мы для тебя брали!» При этом любящие ближнего даже и не ждали моего ответа, булькающая припасенной якобы для меня «тройкой», и продолжали чирикать о своем, о девичьем, и только телефон не звонил, подозрительным молчанием возвращая в моей душе тревогу. Я накрылась одеялом с головой и, подумав, еще положила сверху подушку, но пивные ласы проникали и сквозь такой надежный фильтр.

А может, я сама подсознательно не давала себе отключиться от действительности, против своей воли прислушиваясь, не зазвонит ли телефон... Последнее это дело — пытаться заснуть в полуметре от серого аппарата, соединяющего комнату дежурного следователя с дежурной частью ГУВД. Хотя я сама много раз наблюдала, как заведующий дежурным отделением судебно-медицинской службы спокойно спит, прислонясь головой к столику, сотрясающемуся от грохота электрической пишущей машинки, но стоит нежно звякнуть телефончику — мгновенно открывает глаза. Нет, не судьба мне все-таки выспаться на дежурстве...

— ...Это у зама по опер был день рождения, что ли?
— Да нет, у Кольки Асланова, у следователя из РУВД.
— А кто был?
— Ну кто... Опера, урки, в общем — все свои. Они сначала на работе усугубили, потом поехали в лесопарк. Знаешь, как Колька догоняется, когда лень в лабаз тащиться? Я как-то с ним День милиции отмечал; так вот, он, уже изрядно пьяный, «тачку» останавливает посреди лесопарка и из своего табельного макарова стреляет в воздух. Я его за руки хватаю, лепечу — мол, ты что, сейчас повяжут... А он мне — все нормально, подожди. Через пять

минут патрульно-постовая подкатывает. На выстрелы примчались. Коля стекло опускает, его ж все знают, и ласково им говорит: «Мальчики, сгоняйте в лабаз, а?» Что ты думаешь? Поехали... Ну вот. После кабинетной пьянки именинника потянуло на природу, погода-то хорошая. Их шесть человек набилось в служебный «фордешник», потащились в лесопарк, а там какой-то пикник у главы администрации намечался, охрана зеленые насаждения прочесывала, и их вежливо попросили отвалить и больше не показывать свои пьяные рожи — они ж все по гражданке были. Ну вот. Они снялись и поехали... Машка, пиво будешь?

— Да, Машка, «тройка», ты ж его любишь...

— На чем я остановился?

— На Машке.

— Нет. О чем я говорил? А-а! Они отъехали метров на пятьдесят, встали в кусты и решили: будем маскироваться. А тут мимо какой-то мужик шел с двумя ведрами зеленой краски. Они у мужика ведра отобрали и в целях маскировки плеснули на рувэдэшный «форд» — ну, под зеленые насаждения закамуфлировали...

— И на стекла?!

— Говорю тебе, весь «форд» зелененький. Причем автослесаря потом удивлялись: как можно было так машину покрасить — ни единого, ну ни единого потека! Если красить в автосервисе, ну хоть пара потеков, да останется. А тут — ровнехонький слой, но и стекла тоже под цвет машины. Машка, пиво будешь?

— Не отвлекайся.

— Ага! Ну вот, они замаскировались и продолжают отмечать, а тут по лесу крадется охранник главы администрации. Он и вякнуть не успел, как они его связали, кляп в рот, в багажник его засунули и опять за свое. А тут рация охранника ожила, того коллеги ищут. Колька Асланов рацию взял, а оттуда: «Кто говорит? Кто?..» Ну, прозвучала известная фраза про пальто... Через две минуты пришли охранники, человек пять. Но наши тоже не лыком шиты — всех вырубил, в кусты побросали... Короче, группу захвата пришлось из города вызывать. Брели их со щитами и автоматами... Потом ребята удостоверения показали, и им велели в главк ехать, а машину служебную на стоянку. Ну они и поехали в город.

— Как? Стекла же в краске!

— Ну так! А все равно туман был, и без краски ни хрена не видно. Но ребята не растерялись. Они на капот посадили эксперта из РУВД, он самый трезвый был...

— А что так?

— Да у него язва, он и не пил совсем — ну, литра полтора только. Ну вот, представляешь — сидят гаишники на посту и видят: выплывает из тумана такой кентавр, сначала показывается человеческая фигура, задумчиво плывущая по воздуху, потом выясняется, что вместо задницы у него — абсолютно зеленая машина без окон, без дверей.

Оба дежурных медика залились пьяненьким смехом, и даже я не выдержала и хрюкнула под своим акустическим фильтром — одеялом и подушкой, и — вот он, долгожданный момент — наш веселый телефончик тоже решил присоединиться к всеобщему веселью и радостно затрещал. Звонил дежурный.

— Але, Мария, это ты?

— Привет, Дмитрич, — ответила я сдавленным голосом, отчасти из-за сдерживаемого смеха, отчасти из-за акробатической позиции, которую я заняла, чтобы не уронить на пол подушку, удержать в руке телефонную трубку и не высунуться слишком из своего теплого гнезда в холодную комнату. Оба эксперта тут же протрезвели и стали внимать каждому моему слову, так как от исхода беседы зависело, останемся мы в главке развлекаться каждый в меру своего разумения, я — в бесплодных попытках выспаться, а они — попивая пивко и травя байки, или один из них отправится вместе со мной в темень, дождь и холод к очередному мертвому телу, которое требуется обслужить по всем правилам судебной медицины и криминалистики. Я давно заметила, кстати, что мертвое тело получает такое количество внимания от довольно обширной группы представителей власти, какое человеку при жизни и не снилось...

— Собирайтесь, ребята, — скомандовал нам по телефону оперативный дежурный Муха. — Труп с ножевыми в парадной. Машина под парами, криминалиста подберете по дороге — он уже с районным следователем отработал на Правом берегу.

— Глухарь?

— А ты как думала, Машенька?

— А потерпевший кто?

— Девочка шестнадцатилетняя, родители послали за хлебом.

— Изнасилование?

— Нет.

— Разбой?

— Черт его знает, одну сережку сняли, копеечную. В общем, приедете — на месте разберетесь. Счастливо тебе, Машенька. Рай-он твой, так что работать будешь на себя, а не на дядю Васю.

— Труп? — страдальчески спросил доктор Лева Задов. Судя по драматическим модуляциям голоса, была его очередь ехать.

— Труп, — злорадно подтвердила я.

— Поле?

— Парадная.

— Уф! — Доктор Задов перевел дух.

Да, в поле сейчас труп осматривать грустновато. Хотя еще и не очень поздно, шесть часов вечера, но темнеет сейчас рано, пока приедем, начнем осматривать, уже не будет видно ни зги, да еще и дождичком помочит. Нет, в парадной — это нам подфартило. Я кряхтя вылезла из-под одеяла, туда тут же юркнул довольный Панов и укрылся с головой. Из-под одеяла он прогундосил:

— Что, сегодня Муха на пульге?

— Ага.

Хороший мужик Владимир Дмитрич Муха, подумала я, застегивая сапоги. Добрый, отзывчивый и с пониманием, хотя я-то его люблю вовсе не за это. А за то, что, как доложил мне когда-то разговорчивый криминалист, ожидавший меня в дежурке, Дмитрич на его вопрос — кто из следователей едет, добродушно ответил: «Да Машенька Швецова. Хорошая баба, у нее ноги от плеч растут». И сразу что-то теплое разлилось у меня в сердце, и Муха навеки попал в число моих лучших друзей, хотя, наверное, и не подозревал об этом.

Попрощавшись с Пановым, которому не терпелось нас вытолкать и поспать, мы с Задовым потрусили по длинному главковскому коридору и вниз по лестнице: я — с дежурной папкой, он — с тяжелым экспертным чемоданом.

Машина действительно была под парами, причем даже не на стоянке — любезный водитель подкатил к самому парадному подъезду. Мы с Левкой устроились на заднем сиденье. По дороге, уже после того как мы подобрали криминалиста — хорошо знакомого Женю Болельщикова, который сразу заполнил собой все свободное пространство милицейской машины, — эксперты начали обсуждать, что нас ждет на месте происшествия.

— Муха говорит, что ни на изнасилование, ни на разбой не похоже, — поделилась я.

— Да ты слушай больше Митрича, — забормотал Задов, — он тебе скажет... Вот на той неделе звонит, говорит — в подвале бомж старый помер, на своем драном черном клифту лежит, распорядитесь оформить. Я спрашиваю — а его кто-нибудь трогал, этого бомжа? Митрич свое гнет: к нему, мол, не подобраться, но местные опера через лаз в подвале хорошо этого бомжа видят и клянутся, что повреждений на нем нету. Ну что, мы все-таки не решились оформлять, съездили. Оказалось, что в подвал все-таки проникнуть можно, а бомж, умерший своей смертью на черном ватнике, при ближайшем рассмотрении оборотился двадцатилетней девушкой в белом пальто, с перерезанным горлом. Вот и слушай после этого Митрича.

— Подменили труп, — хладнокровно прокомментировал Болельщиков.

— Во-во, и местные опера так сказали.

Но этим случаем Лева не ограничился, и чтобы скоротать дорогу, оба с наслаждением перемывали Дмитричу косточки как раз до места назначения.

А местом назначения оказалась огромная гулкая парадная в старом питерском доме, из тех, где на полу изразцами выложен год постройки дома, а перед лестницей стоят две мраморные нимфы, изрядно траченные жизнью. Одна из нимф явно перенесла сифилис, поскольку вместо носа на ее лице зиял провал; грудь ее была исписана именами влюбленных аборигенов, а на спине красовался бубновый туз.

— Живописно, — пробурчал за моей спиной Болельщиков, с трудом протискиваясь между милицейскими начальниками, которые толпились в парадной. — Мне тут уже делать нечего, полковники все следы затоптали.

— Снимай обувь с полковников, — посоветовала я, испытывая те же чувства, что и криминалист: следователи, натерпевшиеся от бесцеремонности эмвэдэшных чинов, хронически нарушающих следовую обстановку — то звонить начнут в РУВД по телефону, еще не обработанному криминалистом на отпечатки пальцев, то грязными ботинками пройдутся по девственному линолеуму, на котором до их прибытия виднелся след ноги преступника, — так вот, натерпевшиеся следователи давно уже, сдавая дежурство, кричали, что будут брать у всех милицейских чинов отпечатки пальцев для сравнения с обнаруженными на месте происшествия и снимать с них ботинки на идентификацию со следами обуви преступников.

— А вот и сниму, — угрожающе, но очень тихо, чтобы, не дай бог, не услышал кто-то из полковников, пообещал Женя.

В кильватер нам пристроился Задов, который застрял, договариваясь с водителем главковского транспорта, чтобы тот подождал хотя бы пять минут, пока мы определимся — наш или не наш случай, а то потом не уедешь. Когда же мы добрались наконец до трупа, секунды хватило определить: наш случай. Врачи «скорой» перевернули тело — к нашему приезду оно лежало на спине. Детское лицо, волосы забраны в два хвостика, под расстегнутым пальто — домашнее платьице. Пока я здоровалась с местными операми и уточняла обстоятельства, Левка Задов быстро натянул резиновые перчатки и присел возле трупа, распахнув на нем пальто и показав мне залитое кровью платье на груди. Я взяла из рук участкового инспектора справку, оставленную «скорой помощью»: ну конечно, «смерть до прибытия, множественные колото-резаные ранения передней половины грудной клетки» — доктора со «скорой» не утруждаются считать раны.

— Они насчитали десять, сбились и больше не стали смотреть, — пояснил участковый. Он протянул мне еще несколько бумаг. Объяснение матери убитой девочки — я быстро просмотрела по диагонали неровные строчки. Понятно, девочка спокойная, домашняя, училась хорошо, врагов не имела. Мать тоже. С отцом в разводе уже десять лет. Коммуналка. Все соседи — милые люди. Объяснение жительницы квартиры на первом этаже, которая услышала крики в парадной, выглянула, увидела лежащую окровавленную девочку и тут же позвонила в «скорую» и милицию — спасибо ей. Судя по ее наблюдениям, все произошло в считанные секунды — гулкий хлопок двери парадной, шаги, крики, топот ног убежавших.

— Что-нибудь добавите? — спросила я участкового, показав на листочки объяснений.

— Пока нет, — пожал он плечами. — А девочка действительно хорошая, я ее фамилии до этого не слышал. Ни с наркоманами, ни с проститутками малолетними не тусовалась. А то бы я ее знал.

Положив объяснение в папку, я присела около Левы.

— Сколько, Лева? — спросила я, имея в виду количество ножевых ран.

— Пока двенадцать проникающих, — сосредоточенно ответил он, не отрываясь от леденящих душу манипуляций, с помощью которых мы получаем представление о том, когда наступила смерть.

Введя в глаза трупа пилокарпин, он продолжил: — И еще поверхностных штук восемь. Орудие колюще-режущее, довольно тонкое.

— Я надеюсь, местные патрулируют по территории, — поделилась я с Задовым. — Судя по ранам, кровь должна была фонтанировать, он небось с головы до ног запачкан?

— Нет, Маша, — серьезно сказал Задов. — Смотри.

Он приподнял голову убитой и отвернул ее губы, показав мне слизистую оболочку.

— Видишь? — Он осветил фонариком. — Мелкоточечные кровоизлияния. Он напал на нее сзади — одной рукой, сгибом локтя, обхватил ее, одновременно зажав ей рот, и держал, а другой рукой наносил удары. Поэтому крови на нем нет.

— Господи, а зачем так жестоко резать? Серьги снять? Да девочке ножик покажи, она все, что хочешь, и так отдаст. И почему одну серьгу только сняли? Вторую не успели? Женщина из первой квартиры помешала?

— Похоже, наркоманы, — Лева пожал плечами. — Они обычно поля не видят, под балдой и не дотумкали, что убивать не надо...

— Ой ли? — Я с сомнением покачала головой. — Наркоман бы встал перед ней и тыркал бы ножом, не заботясь, в крови он или нет. А? А тут видишь, какой дальновидный злодей — захват сзади. Во-первых, ей деваться некуда — ни убежать, ни вырваться, во-вторых, кровь на него не попадает...

— Господи, куда мир катится! — поцокал языком подошедший сзади Болельщиков. Он вытащил из кофра бутерброд с сыром и шумно жевал его. — В три часа дня, в субботу, в собственной парадной!

— Хватит трескать, Болельщиков, — сказала я эксперту, не вставая с корточек. — Кто работать будет?

— Ты сначала «менталитет» выгони, чтобы я мог начать фотосъемку, — с набитым ртом отпарировал Болельщиков, которому комплекция диктовала очередной прием пищи не более чем через полчаса после предыдущего. Поэтому его криминалистический кофр на пятьдесят процентов был набит не пакетами для вещдоков и не баночками с порошками для выявления отпечатков пальцев, а жратвой — бутербродами да пирожками. Я ворчала для порядка, зная, что через три минуты, заправившись, Женя отработает свою часть на все «сто». — И Задову скажи, чтобы он положение трупа восстановил, — пробурчал Болельщиков, тоже для порядка, просто так, чтобы последнее слово осталось за ним.

Я с кряхтением выпрямилась, заслужив язвительное замечание Задова: «Да, не бабочка вспорхнула», и, ответив ему примирительным: «Старость не радость, Левушка», пошла разгонять лишних, которых набралось около дюжины. Впрочем, милицейские начальники как будто этого и ждали — и с облегчением стали расходиться по своим важным делам. Я немножко задержалась только со старшим нарядом из главка — старым моим знакомым опером, ушедшим в ГУВД в отдел по раскрытию убийств года два назад из нашего района.

— Паша, ты еще не всех тут забыл с земли, — с надеждой обратила я на него взор. — Кто это может быть? Действительно наркоманы? Вроде бы непохоже...

— Ты знаешь, Мария, — серьезно сказал мне Паша, — в прошлом месяце я дежурил, так в соседнем районе аналогичный труп был. Правда, не такая молоденькая, женщина лет тридцати, шла домой из магазина, с сумками, в лифте ее замочили в три часа дня. Сняли цепочку. Там было десять ножевых, все спереди...

— Ну?! — поторопила его я.

— Из сумок ничего не взяли, и деньги целы, довольно крупная сумма. — Он замолчал, мне снова пришлось его поторопить.

— И что же?

— Что за идиот — цепочку снимает, а кошелек, который из сумки торчит, с реальными деньгами, не трогает?

— Может, спугнул кто?

— Труп нашли сразу, муж нашел. Говорит, что никого на лестнице не видел. В квартирах с первых этажей дома вообще никого не было.

— Думаешь, есть связь?

— Думаю, не маньяк ли пошел... Ну ладно, бывай, Мария, я тебе Андрюху Синцова подошлю, без обид.

— Да уж какие тут обиды, — искренне сказала я. — Спасибо, и от души, если так.

— Он через полчаса подъедет, может, еще что интересное расскажет, ты еще явно тут будешь с осмотром колупаться.

Паша откланялся, а я стала озираться, ища, на чем мне пристроиться писать протокол. Женя Болельщикова тем временем пошел в квартиру на первом этаже подключать переносную лампу, чтобы надлежащим образом осветить место происшествия, и заодно вынес мне оттуда кухонную табуретку. Я подвинула ее поближе к трупу, стараясь не попасть ножками табуретки в ручейки уже за-

стывающей крови, и достала из дежурной папки бланк протокола осмотра. Машинально закладывая между двумя экземплярами копируку и скалывая скрепкой листы, как я делаю это уже много лет и, видимо, буду делать еще столько же, невзирая на всеобщую компьютеризацию (впрочем, некоторые продвинутые следователи на месте происшествия делают черновые пометки, а у себя в прокуратуре перепечатавают их в протокол на компьютере), я пыталась мысленно сконструировать картину происшествия: девочка вошла в парадную, сверху — с лестничной площадки, оснащенной широким насиженным подоконником, спустилась группа наркоманов, ожидавших кого-нибудь, потенциальную жертву ограбления... Спрашивается, зачем убивали? Ради того, чтобы снять с девочки украшение, которое даже продать нельзя, — одну дешевенькую сережку? Черт их знает, этих наркоманов...

— А кстати, почему мы все зацепились за наркоманов? — спросила я Леву Задова, стоящего над трупом в позе дачника, вскапывающего огород. Он тут недавно ездил в чисто поле, где часа четыре в дождик осматривал покойника, — все посмеивались, что капюшон экспертам надо пришивать к другому месту, у Левки намокло именно оно...

— Из-за множественности ранений, каждого из которых хватило бы для причинения смерти, — не разгибаясь, ответил мне Задов.

— Иначе говоря, из-за того, что для достижения преступного результата были употреблены явно несоразмерные усилия, противоречащие здравому смыслу?

— Они хотят свою образованность показать и все время говорят о непонятном, — пробурчал неслышно подкравшийся сзади Болельщиков. И как это он свою тушу так бесшумно переносит?

— Я думаю, что за наркоманов мы зацепились из-за того, что во-он там, на площадочке, полно использованных шприцев, кое-какие свеженькие, — продолжил Болельщиков, протягивая мне на листе бумаги три одноразовых шприца, в которых по стенкам лениво перекатывались какие-то бурые капли. — Машка, ты пишешь уже? Это я прямо с подоконника забрал — аккуратно, на бумажку. Сейчас на пальчики обработаю, все пригодится.

— Спасибо, Женя, положи вот сюда, только смотри, чтобы никто не наступил. — Я благодарно кивнула Женьке. — Даже если эти наркоманы, которые там на площадочке тусуются, и не при делах, то хоть как свидетели сгодятся.

— Ага, — Женя шумно перевел дух. — Я вон, когда в квартиру ходил лампу подключать, мне тетка там сказала, что дверь парадной дважды хлопала.

— Вот как? — Я подняла глаза от протокола. — Значит, сначала выбежали убийцы, а потом — сверху — наблюдатели рванули? Может, те самые наркоманы с площадки? Там у них постоянный клуб...

— Убийца. — Это подал голос эксперт Задов; он уже проделал с трупом все, что от него требовалось, и теперь заполнял листочек с описанием трупных явлений. Все, что он там написал, — и сведения о наличии или отсутствии трупного окоченения, и то, как ведут себя трупные пятна при надавливании динамометром, и как реагирует зрачок при введении раствора пилокарпина в переднюю камеру глазного яблока, и кое-что другое, — все это послужит для определения времени наступления смерти. Хотя в нашем случае время смерти точно зафиксировано в медицинских документах — карте вызова «скорой помощи»...

— Что, Лева?

— Я говорю, не убийцы, а убийца. Мне почему-то кажется, что он был один. — Лева устало вытер пот со лба тыльной стороной руки в резиновой перчатке.

— Ты знаешь, мне тоже это приходило в голову. Надо поискать среди приятелей этой девочки — может, она вчера не с тем в кино пошла, а сегодня ревнивый поклонник ей объяснил, что надо соблюдать верность.

Болезельщиков, перематывающий в фотоаппарате пленку, включился в разговор:

— Задов, тебе просто кажется или есть веские доводы?

— Что убийца был один?

— Ну да.

Лева подошел ко мне, подняв руки в окровавленных резиновых перчатках, и выставил бедро, как латиноамериканская красотка.

— Машка, ну-ка, прикури мне. Сигареты вот здесь, в кармане. Ай, щекотно же!

Я послушно достала из Левкиного кармана пачку сигарет и зажатку, прикурила сигарету, и Левка, нагнувшись ко мне, прихватил ее зубами.

— Угу, — промычал он, затягиваясь.

— Не за что, родной. Так есть веские доводы?

— Элементарно, Ватсон. — Задов приосанился, готовясь прочитать нам с Болельщиковым лекцию по криминалистике. — Исходя из параметров ран, орудие было одно. Судя по весьма краткому периоду времени, в течение которого наносились ранения, это орудие было в руках у одного человека, никому не передавалось. А если убийц было несколько, то что делали остальные? Стояли и смотрели? Тогда они не убийцы...

— Сразил. — Я перевернула лист протокола. — Ладно, хорош трепаться. Я вход в парадную описала, давай привяжем труп к двери и лестнице и поехали по наружному осмотру.

— Это мои гениальные дедуктивные выкладки ты называешь «трепаться»? — деланно возмутился Задов.

— Ребята, вы когда-нибудь вслушивались в то, что вы говорите? — пропыхтел из-за моей спины Болельщиков. — «Привяжем труп», «поехали по наружному осмотру»... Или вы не русские?

— Женечка. Это же арго, профессиональный жаргон. Что тебе не нравится? — удивилась я.

— Какое арго, Марья? Ты с рождения так изъяснялась. Я же помню, как сто лет назад, ты еще стажерочкой была, звонила домой с места происшествия и маме говорила: «Мама, я сижу на трупе». А все почему? Нет культуры языка.

— Бог с ней, Женя, — махнула я рукой. — Для нас главное — культура следственного производства. Важно то, что я в протоколе напишу, а не то, что я шепотом говорю участникам осмотра. Ведь Левка меня понимает и веревкой труп привязывать не собирается. А наоборот, сейчас продиктует мне данные о положении трупа по отношению к двери парадной и лестнице. Если тебе так больше нравится.

— Что это с ним? — шепнула я Леве, когда Болельщиков, ворча, отошел. Не успел Левка ответить, как Болельщиков резко обернулся и завопил:

— Я интеллигентный человек! Во где мне ваш жаргон ментовский!

— Женя! Прости, конечно, но среди нас ты один — мент, а я-то как раз следователь прокуратуры!

— Тем хуже! — отрезал Женя.

Я выразительно посмотрела на Левку Задова, и он, махнув рукой в сторону необъятной спины Болельщикова, присел над трупом и начал диктовать мне:

— Труп несовершеннолетней Антоничевой лежит на полу парадной... Маша, как пишем — как «скорая» оставила? На спине? — Я кивнула, и Лева продолжил: — ...На спине, головой направлен в сторону входной двери в парадную, ногами в сторону лестницы, руки раскинуты в стороны, ноги сведены, вытянуты...

Оглянувшись на Женю и убедившись, что тот уже вне пределов слышимости, Задов отвлекся от описания трупа и с большим удовольствием сообщил мне, что Женя недавно пострадал за отсутствие культуры языка.

— Представляешь, Машка, Болельщиков дежурил вместе с каким-то молодым уродом-следователем, тот ужрался в сосиску прямо в главке, они поехали на сексуальное убийство старой бомжихи, и следака сначала под лестницей стошнило, а потом он прямо там и упал. Болельщиков себя чувствовал виноватым, поскольку первый выпить предложил. Вот он и стал спасать положение — сам решил все за следователя написать.

— Ну? И что?

— А то. Наш Димка Сергиенко ему продиктовал «задний проход зияет», а Женя под алкогольными парами записал «задний проход сияет». Дальше от себя добавил — «имеются признаки совершения половых актов в верхний и нижний конец пищеварительного тракта».

— Как-как?

— Ну, то есть в рот и задний проход.

— Удачное выражение, — хихикнула я, — надо будет запомнить.

— Вот. По трезвости до такого не додумаешься. Когда протокол привезли в городскую, его там до дыр зачитали, я уже всех перлов и не упомню. Что-то еще типа «в носовых ходах светлая прозрачная жидкость — сопли». Кто-то из надзирающих прокуроров снял копию — и в экспертно-криминалистическое управление с доброй сопроводительной.

— Да-а, тогда конечно. Левка, давай работать, а то так и просидим тут до морковкиных заговинков, а?

— Как скажете, босс. — Левка снова уткнулся взглядом в обнаженную грудь трупа. — Труп девушки нормального телосложения, удовлетворительного питания. На трупе надето...

Дверь в парадную гулко отворилась. Все, кто еще оставался на месте происшествия, разом обернулись на звук. В парадную влетел мужчина в распахнутом твидовом пальто и ослепительно-

белом шарфе. За ним вошли двое молодых людей без пальто, в костюмах, двухметрового роста, с профессионально-бесстрастными лицами. Мужчина направился напрямик к труп, уронив по дороге Левкин экспертный чемодан, в котором что-то звякнуло и булькнуло. Я привстала с табуретки, удерживая папку с протоколом, постовой милиционер сделал шаг навстречу мужчине, но был сметен с его пути двухметровыми сопровождающими, на лицах которых при этом не отразилось никаких эмоций. Мужчина опустился на колени перед трупом, запачкав брюки кровью, щедро разлитой по полу; в лужу попал и край белоснежного шарфа. Он обхватил руками голову девочки, прижался к ней лбом и зарыдал. Сопровождающие терпеливо стояли над ним. Несколько минут слышались только глухие рыдания. Мы все потеряли дар речи, ожидая, чем кончится эта сцена.

Дверь парадной стукнула еще раз, на пороге возникла фигура в генеральской шинели, и постовой сразу вытянулся во фронт. Начальник ГУВД окинул взором место происшествия, кивнул постовому и тихо подошел к мужчине, стоящему на коленях. Приобняв его за плечи, он помог ему подняться. Мужчина, обведя всех невидящими глазами, выпрямился и стал заваливаться на генерала. Генерал кивнул охранникам. Один из них, не меняя выражения лица, вытащил из кармана и протянул начальнику ГУВД упаковку таблеток, тот, одной рукой поддерживая мужчину, другой выщелкнул лекарство и предложил мужчине, после чего передал его с рук на руки другому телохранителю, и молодые люди бережно повели мужчину на выход. Генерал подошел ко мне и поздоровался.

— Вы дежурный следователь? — спросил он. Я кивнула. — Это отец девочки...

— Я поняла, — тихо сказала я.

— Сотрудник администрации президента, — продолжил генерал, — здесь в служебной командировке. Ему только что сообщили... Он с семьей не живет уже несколько лет, постоянно проживает в Москве...

— Нельзя ли его допросить? — заикнулась я, но осеклась под гневным взглядом генерала.

— Не сейчас, — веско образумил меня он. — О чем вы только думаете?

Он повернулся на каблучках и вышел вслед за сотрудником администрации президента. «Ужас», — подумала я. Самое тяжелое

на месте происшествия — это даже не лужи крови и не мозги, размазанные по стенам; вот такие сцены — обезумевшие родители над трупами детей — не дают потом спать по ночам.

Ставя в протокол время окончания осмотра, я машинально отметила, что передежурила уже два часа, а еще надо заехать в РУВД поставить штамп с номером КП на материале, да и невредно допросить свидетелей — все равно дело будет у меня в производстве. А до понедельника свидетели могут что-нибудь забыть.

Значит, сегодня мне забрать моего бэби от отца не удастся. Выходные дни мы с бывшим мужем поделили пополам: суббота принадлежит Игорю — они с Гошкой по субботам плавают в бассейне, а воскресенье мое — мы занимаемся гитарой. Когда птенцу стукнуло одиннадцать, он застенчиво заявил, что если бы он получил в подарок на день рождения электрогитару, ему больше не о чем было бы мечтать в этой жизни. Я просто опешила. Никогда раньше ребенок не заикался о желании заниматься музыкой. Но мое дитя к разговору подготовилось капитально, не только выложив мне на стол прайс-лист из музыкального магазина, но и сообщив, что уже есть договоренность с учителем, которого он сам себе нашел. «Только ты, мама, позвони ему сама, — попросил мой зайчик, — потому что мы с ним обо всем договорились, кроме оплаты. Он сказал, что про деньги будет с мамой разговаривать». Крыть было нечем. Позвонив потенциальному учителю и изучив гитарный ценник, я напилась валерьянки, прикинула, что в этом сезоне мне придется обойтись без зимнего пальто, и мы пошли покупать гитару.

Теперь моя роль заключается в том, что я сопровождаю своего бременского музыканта, с инструментом за плечом, к учителю и просиживаю час под дверьми, наслаждаясь звуками дуолей и триолей. Мне-то самой слон на ухо наступил, несмотря на то, что удовольствие от музыки я получаю. И я очень боялась, что слон прошелся по ушам и моего потомства. И даже намекнула учителю, что у Гошки, похоже, проблемы с музыкальным слухом. На что учитель невозмутимо ответил, что никогда не интересуется у учеников, есть у них слух или нет, учит — и все. Вроде бы все научились и никто не жаловался.

Так что в музыкальном активе моего Гошки уже «Во поле береза стояла», еще жуткая история убийства криминальным авторитетом по кличке «Прожорливое брюшко» несчастного безобидного зеленого кузнечика и парочка крутых рифов панковской